

Со времени бурных “перестроечных” лет конца 1980-х годов прошло почти тридцать лет. Три десятка лет мы идём тернистым путём политического и экономического кризиса.

Цена этих преобразований в жизни общества слишком высока. Мы потеряли мощное государство — СССР — и едва не лишились уже новой Российской Федерации. В 1990-е годы потеряли своё политическое лицо, а затем, приобретя его вновь, подвергаемся многолетнему остракизму со стороны Запада под руководством США.

В экономической сфере положение по-прежнему сложное. Сознательное разрушение в 1990-х годах основ многофункциональной промышленности не могло не сказаться на комплексном развитии экономики. Практически такая же ситуация сложилась в науке, да и социальная жизнь оставляет желать лучшего.

Даётся ли каким-либо образом реальная оценка происходящему в стране? Ведь для того, чтобы лечить, нужно иметь правильный диагноз. Об этом очень доходчиво написал главный редактор журнала “Форбс”:

“Поразительная неспособность экономистов и политических лидеров оценить, чем сегодня болеет большинство экономик, и назначить правильное лечение удручает и свидетельствует об их твердолобом отказе изучить факты и о глубинной эмоциональной приверженности фальшивым идеям. Это также показывает их умственную лень”.

Реальному положению экономики страны мной будет уделено внимание отдельно. В данной же части хотелось бы остановиться на фундаментальных вопросах экономического развития России в новых рыночных условиях.

В конце 1980-х годов в Советском Союзе развернулись политические баталии по вопросу дальнейшей экономической модели. Несмотря на то, что обсуждение этой проблемы проходило с экономических позиций, тема стала своеобразным оружием в развернувшейся в стране политической борьбе. Экономика стала заложницей политики.

Старшее поколение помнит эти не прекращавшиеся битвы. Правительство СССР немедленно записали в разряд замшелых консерваторов, не понимающих веяния времени. Появилась фантастическая программа “500 дней”, которая стала рычагом в политической борьбе.

Предложения Совета Министров СССР о постепенном, эволюционном реформировании существовавшей экономической модели подвергались жесточайшей критике. Все наши предупреждения о явно пагубных радикальных действиях объявлялись консервативными, не отвечающими духу времени.

Прошло три десятилетия. И я всё чаще и чаще задумываюсь: что же мне сейчас, радоваться или печалиться? Радоваться тому, что мы оказались правы, о чём свидетельствует жизнь новой России, начиная с “лихих девяностых”, или печалиться о том, что наши предложения были тогда бездумно отвергнуты со всеми вытекающими последствиями. По-видимому, нам придётся выпить всю горькую чашу до дна.

Хочу напомнить, что создание специальной группы в ЦК КПСС в начале 1983 года было инициировано Генеральным секретарём ЦК КПСС Ю. В. Андроповым. Это он, выступая на Пленуме партии, проронил: “Если говорить откровенно, мы ещё до сих пор не изучили в должной мере общество, в котором живём”.

Перед группой, в которую вошли М. С. Горбачёв, В. И. Долгих и Н. И. Рыжков, была поставлена задача тщательно разобраться с плюсами и минусами действовавшей в то время советской экономической системы и дать рекомендации по её реформированию. При этом особо было отмечено, что учёными страны написано и опубликовано множество книг и статей по данной проблематике, а на государственном уровне нет в этом отношении никакой позиции.

Положение действительно было именно таким. Складывалось впечатление, что наука, в том числе и экономическая, с одной стороны, и реальная экономика — с другой жили каждая сама по себе, в разных плоскостях.

Задачей нашей группы было совместными усилиями учёных и практиков разобраться, прежде всего, во всех предложениях, а затем разработать рекомендации для руководства страны.

Нынешнее положение повторяет ситуацию, сложившуюся в 1980-х годах. Но только сейчас не существует специального органа, который бы занимался разработкой предложений по изменению курса развития экономики. В то же время уже совершенно очевидно, что взятый на вооружение прозападный либерально-монетаристский курс себя не оправдал. “Съев” за прошедшие годы советский задел, страна затопталась на месте.

Уже в течение нескольких лет экономический кризис держит государство в тисках. В 2017 году развитие экономики завершилось с очень небольшим плюсом, что совершенно не удовлетворяет растущие потребности социально-экономической жизни страны.

В настоящее время самостоятельно стали разрабатываться рекомендации по реформированию экономики. Появилась программа Столыпинского клуба, разработанная под руководством Б. Ю. Титова; правительственная — которую никто не видел; рекомендации Совета Федерации. Особо следует остановиться на “деятельности” бывшего министра финансов А. Л. Кудрина. Заниматься этим делом ему поручил В. В. Путин, поставив его во главе Центра стратегических разработок. Если об упомянутых мной выше программах практически никто не знает, то все “новеллы” Кудрина немедленно попадают в СМИ.

Мы наивно думали, что этот Центр будет площадкой для обсуждения всех — подчеркиваю — всех предложений в целях выработки единой программы для руководства страны. Не тут-то было! Этот орган — “монополия” только одного человека, “лучшего министра финансов мира” (а получил он это зарубежное признание в своё время после того, как Россия стала закупать в огромных масштабах ценные бумаги США под 1,9 процента годовых). Всё это происходило в “тучные” годы, когда стоимость одного барреля нефти зашкаливала все возможные пределы. Вот что делалось вместо того, чтобы эти финансовые ресурсы направлять на модернизацию производительной базы страны, развитие инфраструктуры и т. д.

Чем это закончится — неизвестно. Состоится ли всё-таки обсуждение программ модернизации экономики — никто не знает. Может быть, будут приняты именно проекты Кудрина? Горе будет нам! Или “всё само собой рассосётся”? Но вряд ли, этого уж точно не случится!

При формировании правительства в мае 2018 года этот “непотопляемый специалист” получил высокую должность руководителя Счётной палаты. Имея официальный статус, он теперь официально проводит свои идеи в жизнь. Уже через 2-3 месяца в стране стали обсуждать некоторые его идеи — радикальные изменения в пенсионной системе, увеличение налогов (НДС), создание крупных агломераций как источника роста экономики и т. д. А может быть, пост главы Счётной палаты — это ступень для более высокого поста в государстве?

Создавшееся ныне положение с рассмотрением предложения по реформированию экономики я сравниваю с системой, созданной 30 лет назад. В созданную специальную Комиссию Совета Министров СССР по реформированию экономики входили известные учёные, академики, экономисты, доктора наук, специалисты в различных областях – в сфере промышленности, сельского хозяйства, машиностроения и т. д. Возглавлял эту Комиссию академик Академии наук СССР Л. И. Абалкин.

Работая над предложениями по реформированию экономики, Комиссия тщательно изучала действующие экономические модели многих стран, анализировала основные работы по данной тематике и предложения учёных с мировым именем.

Безусловно, члены Комиссии владели научным опытом и теорией различных экономических школ мира. Располагая теоретическими знаниями и обладая реальным опытом проведения реформ в других странах, они вносили в Правительство конкретные предложения. Правительство же регулярно заслушивало их, участвовало в обсуждении, иногда очень жарком, и принимало то или иное решение.

Я полагал, что нечто подобное будет создано и сейчас. Но, к сожалению, оказалось, что это всего лишь мои наивные мечты.

Тем не менее, возникает вопрос: каким научным потенциалом – прошлым и нынешним – мы располагаем для выработки необходимых для нашей страны предложений по осуществлению социально-экономических перемен? Это не праздный вопрос. Мы обязаны знать имена тех учёных, которые, используя свои знания, работают над подготовкой предложений по созданию такой экономической модели, которая соответствовала бы современным достижениям в мире и которая позволила тем странам, у которых она уже создана, в сравнительно короткие сроки достичь серьёзных успехов в их социально-экономическом развитии.

Учитывая, что предложенная Советом Федерации концепция реформирования экономики направлена на вывод страны с “затухающей кривой” экономического развития, позволю себе подробно остановиться на том, что она собой представляет, на её сути и философии.

Прошло почти тридцать лет с того времени, как была осуществлена “шоковая терапия” – ельцинско-гайдаровская экономическая модель, созданная по лекалам “Вашингтонского консенсуса”.

Что же произошло за это время в мире?

Мировая практика демонстрирует новые формации, совмещающие в себе преимущества предыдущих систем и сводящие к минимуму их пороки. К несомненным успехам Китая относится плодотворный симбиоз плана и рынка, социализма и капитализма. Там сформировалось конвергентное, или интегральное общество. Дэн Сяопин и его соратники не разрушали плановое хозяйство, а проводили в нём демократические преобразования и добавляли к нему рыночные регуляторы. Результат – 40 лет подряд страна развивается без кризисов, темпы роста высокие. Средняя продолжительность жизни китайцев достигла 75 лет.

Глава КНР Си Цзиньпин, выступая на Генеральной Ассамблее ООН в 2015 году, заявил, что всякая процветающая экономика, помимо “невидимой руки” рынка, должна использовать “видимую руку” государственного управления. В докладе секретаря ЦК КПК профессора Янг Джинхайя на Первом международном марксистском конгрессе в Пекине в 2015 году говорилось: “Суть китайского пути состоит в нахождении правильного баланса между социализмом и капитализмом. В экономике это означает установление разумных пропорций между административными и рыночными отношениями...”

Вьетнам, некогда беднейшее государство, последовал китайскому примеру. Централизованное планирование у них не ликвидировали, а сделали более гибким. План и рынок совместили друг с другом.

В Индии наряду с рыночными регуляторами действует и плановый. Плановая комиссия Индии, возглавляемая премьер-министром страны, определяет стратегические цели развития, реализуемые посредством пятилетних планов, носящих преимущественно индикативный характер. Темпы роста экономики Индии в последнее время не уступают китайским, а иногда даже превосходят.

На постсоветском пространстве интеграционные тенденции явно обнаруживают себя в Белоруссии и Казахстане. Лидеры обоих государств не скрывают,

что при проведении преобразований они руководствуются идеями ленинского нэпа и китайских реформаторов.

Учитывая, что китайцы добились значительного социально-экономического прогресса благодаря проводимым ими реформам, я позволю себе использовать материал доктора экономических наук, профессора Э. П. Пивоваровой, опубликованный ею в статье “Суть китайских реформ”:

“Во-первых, КНР не тратила много сил на разрушение и критику прошлого, а сосредоточила их на созидании нового.

Во-вторых, китайские реформы сразу обернулись лицом к нуждам населения. Задачи обеспечения его продовольствием и товарами широкого потребления стали главными в деятельности вновь создаваемых хозяйственных структур. Это обеспечило общенародную поддержку реформ уже на первых этапах.

В-третьих, руководство страны не стало осуществлять реформы по какому-либо чужим рецептам, а, изучив существующий свой и зарубежный опыт, пришло к выводу о необходимости исходить из особенностей своей страны и решительно встало на путь “строительства социализма с китайской спецификой”. Последний требовал серьёзного учёта такого основополагающего исходного фактора, как громадность населения при крайней ограниченности ресурсов страны.

В-четвёртых, в КНР не было обвальноей либерализации, а главным методом стало поэтапное, апробированное экспериментом продвижение к рынку, переход от малого к большому, от частного к общему, постепенное, но решительное расширение масштабов реформы и углубление её. Этот метод получил здесь образное название “переходить реку, нащупывая камни”.

В-пятых, создание субъектов рынка осуществлялось в КНР не путём разрушения существующих государственных структур, а главным образом путём заполнения имеющихся брешей, то есть с первых шагов реформа работала на уменьшение дефицитности экономики страны. Для этих целей не только мобилизовались внутренние резервы, но и активно привлекались зарубежные капиталы.

В-шестых, стимулируя хозяйственную инициативу на микроуровне, китайское руководство не выпускало из поля зрения макроконтроль и в периоды опасного нарастания несбалансированности экономики принимало дополнительные меры по его усилению.

В-седьмых, практика уже первых лет реформ показала, что самый естественный путь к рынку – это развитие многообразных по формам собственности типов хозяйств (коллективных, единоличных, частных, совместных китайско-иностранных). Оно не только обеспечивало быстрый рост субъектов рынка, но и, меняя структуру народного хозяйства по формам собственности, корректировало структуру инвестиций и производства в направлении приближения её к реальным потребностям народа”.

А что же Россия?

В выработке принципиальных научных подходов принимало и принимает участие значительное число отечественных учёных. К ним, в первую очередь, следует отнести экономиста-международника академика О. Т. Богомолова, ныне покойного. Он неоднократно доводил свою позицию до высшего руководства страны. И если к его советам не прислушивались в политических верхах, то это не его вина, а их беда. По-видимому, главными консультантами руководителей страны являются учёные и специалисты, придерживающиеся отживших (и не только у нас) постулатов “Вашингтонского консенсуса”. Наверное, справедливо гласит народное изречение: “Им есть, куда бежать, а нам есть, где умирать!” Мудрость мудростью, а такое может случиться, если мы не найдём в себе волю трезво оценить создавшееся в стране положение и всмотреться в своих соседей, о чём был разговор выше.

Есть и другие учёные, не равнодушные к судьбе своей Родины. Особо выделю С. Ю. Глазьева, Г. Н. Цаголова, преуспевающих в поиске третьего пути совершенствования политической и экономической жизни моего Отечества, пути, над смыслом и сутью которого я думаю многие годы.

Обсуждение темы роли государства в развитии экономики в отечественной экономической политике усугубляется тем, что нашу науку упорно и последовательно подталкивают к ориентации на зарубежные позиции, а зарубежное признание теперь напрямую влияет на престиж учёного, финансирование, выделение грантов. Россию в нынешних геополитических условиях за рубежом

не жалуют. Зарубежная же экономическая позиция находится в прямой зависимости от политики своих правительств и элит.

Можно ли представить себе ситуацию, чтобы иностранные государства финансировали свои институты, работающие в интересах России? За рубежом в последнее время опубликован ряд работ по российской экономике, в которых в числе главных доказывается мысль, что темпы экономического роста находятся в обратной зависимости от степени участия государства в экономике: “Больше государства – ниже рост”.

В то же время в довольно популярном американском учебнике по макроэкономике, в числе авторов которого значится известный нам Дж. Сакс, есть специальный раздел по государственному сектору. В нём признано и зафиксировано следующее: “С начала XX века общие государственные расходы во всём мире увеличились. Во многих промышленно развитых странах по сравнению с 1938 годом произошло удвоение доли государственных расходов в ВВП. В Нидерландах, например, доля государственных расходов по отношению к объёму ВВП в течение 50 лет почти утроилась. Во Франции она более чем удвоилась, а в Соединённых Штатах – удвоилась”.

Экономисты псевдолиберальной ориентации, ничем не опровергнув доводов отечественных экономистов о несостоятельности и ошибочности этих выводов, в последнее время взяли на вооружение мифическую цифру, что на долю государства приходится 70 процентов российской экономики. Откуда берётся эта цифра, если по официальной статистике в государственной собственности после тотальной приватизации осталось основных фондов – менее 20, а занятых в госсекторе – менее 30 процентов?

Создаётся парадоксальная ситуация: в государственном секторе используется около 30 процентов занятых и на их долю приходится 70 процентов ВВП! Исходя из этого, можно было бы сделать вывод о высокой эффективности государственного сектора. Но авторы стремятся сделать совершенно другие выводы. По их мнению, если вычтеть 70 процентов “неэффективной” государственной доли в экономике, на долю “эффективного” частного бизнеса остаётся лишь 30 процентов. В этом они видят основные беды российской экономики.

Ангажированные участники дискуссии не остались в одиночестве. Подключились и правительственные структуры. “Государство и госкомпании контролируют 70 процентов российской экономики. Федеральная антимонопольная служба (ФАС) признала государство главным врагом конкуренции”. Виновник указан, необходимо принимать решение о “второй волне” приватизации!

Подобный заход в новый приватизационный процесс за прошедшие годы не единственный. На это раз он несёт в себе дурно пахнущий “научный подход”. Ставится задача приватизировать оставшиеся у государства предприятия оборонного комплекса и инфраструктурных монополий. Хочу напомнить, что при массовой приватизации было приватизировано 97 процентов предприятий. И что же мы получили? Где технологический и экономический прогресс на основе огромного частного рынка? Надо ли напоминать о том, что в 1990–е годы страна оказалась на краю пропасти и мы до сих пор не можем покончить с экспортно-сырьевой моделью, об “исчерпанности” которой правительство говорит уже более 10 лет?

И всё же возникает вопрос: откуда появились эти цифры? Как стало известно, в методике расчёта ФАС мифических 70 процентов нет. Зато теперь уже ясно, что данные по этой проблеме есть в МВФ.

Если подойти с объективными расчётами в части определения роли государственной собственности в экономике, то её структура в разных странах формируется под влиянием конкретных исторических причин. Приватизаторы России ссылаются на то, что в США, например, доля государственной собственности не велика. Отсюда делается вывод, что для того, чтобы быть развитой страной, надо всё доприватизировать, в том числе учебные заведения, учреждения культуры и т. д. Но если в собственности видеть поток, которым распоряжается государство в социальных интересах, то окажется, что государственная собственность в США составит около половины ВВП. Имея в распоряжении ресурсы такого масштаба, государство может проводить эффективную внутреннюю и внешнюю политику.

В постсоветской России ещё по-настоящему не сформировалась система, которая существует в развитых странах мира. В условиях коррупции, высокой доли теневой экономики, “олигархизации” и т. п. приватизация является

экономически и социально не эффективной, поскольку её результаты направлены на усиление указанных негативных тенденций. Учитывая эти реальности, России, на мой взгляд, следует укреплять государственную собственность.

Специалисты по экономике единодушны в том, что носителями этого абсурдного мифа являются не учёные, а идеологи “Вашингтонского консенсуса”, который в последующем переместился в научную область. С начала 2017 года этот нелепый миф приобрёл академическое имя. К сожалению, автором его стал уважаемый в стране академик А. Г. Аганбегян. Это даёт основание Федеральной антимонопольной службе в своём очередном докладе о состоянии конкуренции доложить: “По оценкам экспертов, по итогам 2015 года вклад государства и государственных компаний в ВВП Российской Федерации может составить около 70 процентов, тогда как в 2005 году эта доля составляла около 35 процентов”.

Почему этот миф появился именно сейчас? Хорошо знакомый нам по временам развала советской экономики с её плановой системой, едва ли случайно он появился с мощнейшей поддержкой, в том числе и с научной, именно сейчас, на нынешнем переломном этапе жизни нашей страны. По-прежнему идёт борьба вокруг системного вопроса – вопроса о собственности – в командных высотах нашей экономики.

Временно отвлекаясь от анализа мифических данных, хотел бы ещё раз остановиться на вопросе эффективности различных форм собственности. Как показало историческое развитие, государственная форма капиталистической собственности стоит гораздо выше частной формы. В то же время эффективность каждой формы собственности зависит от того, насколько передовой является её организация, в какой степени она отвечает законам централизации и концентрации капитала, увеличения его технологического состояния.

Промышленно развитые страны в настоящее время вышли на ступень вертикально интегрированного строения общественного воспроизводства. На этой основе там организованы все главные формы собственности. Поэтому хоть частная, хоть государственная формы капиталистической собственности в США на порядок эффективнее, чем частная или государственная в постсоветской России. Поэтому бессмысленно ратовать за приватизацию или ренационализацию, если будет существовать старая производственная система.

Весь мирохозяйственный опыт, в том числе и опыт Советского Союза, говорит об этом – как успешный, так и неудачный. Вместе с индустриализацией СССР в 1930-х годах были получены наиболее передовые для своего времени организационные формы производства. Но три десятилетия спустя, в 1960–1970-х годах они перестали быть передовыми, поскольку не реформировались. В то время организационную революцию несло уже межотраслевое строение производства – вертикально интегрированное, исключаящее извлечение прибыли из промежуточного производства.

Этот вызов эпохи сумели распознать в США, но не сумели в СССР. Отраслевое строение, рождённое в 1930-х годах, в течение трёх десятилетий ведущее экономику с её плановой системой на вершину развития, с 1960-х годов начало отбрасывать её назад, к отсталости и отторжению от научно-технического прогресса.

Несколько слов о госкапитализме. Госкапитализм является исторически высшей и последней стадией эволюции капитализма. Он отрицает частный капитализм, частный капитал и класс частных собственников. При госкапитализме власть и собственность принадлежат совокупному деперсонифицированному капитализму, а рынок труда и капитала функционирует в качестве планово-централизованного.

Ничего подобного в России нет. У нас царит полная противоположность госкапитализму, страна отброшена к самой низкой и отсталой стадии капитализма. Даже созданные госкорпорации с их органическими недостатками подвергаются жесточайшей критике неолиберальными членами правительства и околоправительственными учёными и специалистами. Уже неоднократно раздавались призывы ликвидировать их, передать в частные руки.

Отсталая экономическая система современной России лишь удаляет её от высшего капитализма и госкапиталистической стадии, обрекая её на нарастание системного кризиса, деиндустриализацию, массовое обнищание населения и его вымирание.

В реальной жизни число хозяйственных укладов значительно больше. Они не исчерпываются государственным и частным. Существует ещё совершенно

особый — олигархически-компрадорский. Именно он отвечает в постсоветской экономике, захватив контроль над ней, и именно он ответственен за то, что хозяином положения в пореформенной России является зарубежный капитал.

Олигархически-компрадорская система, сформированная в период антисоветских реформ 1990-х годов, настроенная на превращение российской собственности в иностранную или офшорную, приняла вид экспортно-сырьевой модели. По данным за 2016 год, в общей массе зарегистрированных организаций количество государственных составило 1 738 единиц, а иностранных — в 5,6 раза больше, или 9 712 единиц.

Что же происходит в банковской системе? Если на минутку поверить в мифические 70 процентов госсектора, то тогда и банковская система должна на 70 процентов быть государственной. Согласно же отчётным показателям, в среднем за период 2015–2017 годов доля государства в банковской системе не превысила 6,5 процента, то есть удельный вес государства в банковской системе в 10,8 раза меньше пресловутых 70 процентов. Напрашивается вывод о том, что банковская система и народное хозяйство живут отдельно, сами по себе. Парадокс, да и только!

В то же время доля иностранного капитала в банковской системе страны в среднем в эти же 2015–2017 годы составила 45,5 процента, что в 7 раз выше, чем доля государства.

Уже давно наукой доказано, что поистине будет беда, если частный капитал берётся вершить дела государства. Современная Россия попала в беду системного кризиса из-за того, что позволила компрадорскому капиталу командовать государством, государственным сектором и всем социально-экономическим строем. К примеру, совершенно очевидно, что экспортно-сырьевая модель в стране сформирована в интересах компрадорской экономической системы. Кто же воздвиг стену между добычей сырья и обрабатывающей индустрией? Что же разрывает единую технологическую ниточку на части, на разрозненные звенья? И таких вопросов много. Ответ один: компрадорская форма капиталистической собственности и построенная на её основе олигархически-компрадорская система. Этим и объясняется деиндустриализация нашей страны, которая проводится у нас уже многие годы.

В этом ей активно помогает Запад. Начиная с 1990 года делается всё, чтобы уничтожить конкурентоспособные перерабатывающие отрасли народного хозяйства — мы не должны быть им конкурентом.

Можно привести массу примеров, когда наши предприятия прекратили своё существование. Например, мой родной “Уралмаш”. Где он? От него остались, как говорят в металлургии, лишь “следы”. В то же время наша металлургия живёт и здравствует. И здесь причина ясна. Пусть Россия уродует свою землю, добывая руду, заливая поля отходами от переработки руды, выбрасывает в атмосферу миллионы тонн металлургических отходов, поставляет на Запад металлургические заготовки, которые там без всякого вреда людям и природе переделают в чистый металлопрокат и используют при производстве машин, приборов и различной бытовой техники, которая затем большим потоком будет направлена в Россию.

Западу, говоря объективно, никакая Россия не нужна: ни советская, ни антисоветская, ни социалистическая, ни капиталистическая. Его интерес — это раскол и разделение России, уничтожение её как централизованного федеративного государства. В лучшем случае — это оставить большое число мини-государств, с которыми можно не считать и делать что угодно, в том числе и брать у них всё, что нужно Западу. Опыт у них в этом деле большой — взять ту же Югославию. Что, мир вздрогнул от страшного бесчинства — разгром единого федеративного государства? Вся Европа, как по команде, обрушила военную мощь на суверенную державу. С нами они мечтают тоже разделиться, но поступить по-иному, потому что знают нашу способность защищать Родину, особенно в её тяжёлую годину. Пример тому — Наполеон, Гитлер и пр. Но вот “разложить” нас экономически, идеологически, нравственно — к этому они и стремятся. И только поэтому у уделил так много внимания теме роли государства в социально-экономической жизни России.

Анализ постсоветской реальности помогает найти и способ защиты нашей страны, так как на компрадорском пути, при господстве компрадорской системы Россия беззащитна. Существует один выход: переход от компрадорского

разрушения к суверенному созиданию и социально-экономическому подъёму. Могильщиком компрадорского капитала может быть только отечественный промышленный капитал. Для этого его необходимо сделать господствующим.

Рецептов создания новой, интегрированной экономической системы несколько — это, в том числе, и ренационализация. При взятии политическим руководством России такого курса потребуются тщательное изучение положения страны в этом вопросе и выработка реальных предложений по его осуществлению.

Вопросу стратегического планирования в нашей стране следует уделить особое место в наших размышлениях. Но сейчас, говоря о судьбе нашего государства в русле поднимаемых вопросов, нужно сказать, что вопрос о планировании есть вопрос о плановом формировании и плановой организации движущей силы развития России и её новой наукоёмкой индустриализации.

Об этом говорят многие известные учёные мира. Вот мнение Нобелевского лауреата П. Самуэльсона: “Обогащённая государственным планированием и макроэкономическим контролем, экономика сможет лучше функционировать, чем капитализм прошлой эпохи или коммунизм”.

Не менее известный экономист Д. Стиглиц отмечает: “Существует проблема взаимодействия между частными фирмами, которые часто ведут к чрезмерным инвестициям в одну отрасль и недостаточным — в другую. Государство при таком подходе находится в наилучшей ситуации для планирования развития отрасли. Такие отношения были особенно важны для слаборазвитых стран и для отраслей, требующих серьёзных капиталовложений”. И добавляет: “Почему государственные предприятия должны вести себя иначе, чем частные?”

Другими словами, формы собственности особенно не влияют на стиль управления и, следовательно, на эффективность производства. Только в одном случае дивиденды достаются небольшим группам людей, а в другом — всему обществу.

Нельзя не вспомнить и нашего соотечественника, лауреата Ленинской премии В. В. Леонтьева, который не уставал обосновывать необходимость сочетания плана и рынка. В одной из бесед со мной Василий Васильевич сравнил экономику с парусным судном. При этом он сказал, что американский корабль имеет мощное парусное оснащение и маленький руль, а советская экономика, по его мнению, малые паруса и очень большой руль. Вот если появятся люди, которые найдут их требуемое сочетание, то этим людям нужно будет обязательно присвоить Нобелевскую премию!

Подводя итог этого раздела публикации, хочу сказать, что альтернатива превращения нашей страны в высокоразвитую индустриальную державу определена окончательно: либо дальнейший компрадорский путь с тяжелейшей для страны судьбой, либо неоиндустриальный путь и быстрый подъём. У сторонников компрадорского пути ничего равноценного и равновеликого неоиндустриализации нет. Вот отсюда и появляются небылицы и “страшилки” о 70 процентах государственной собственности. Им нужен новый всплеск передела оставшейся государственной собственности и, самое главное, оправдание создавшегося ныне критического положения в экономике страны, так как оно может оправдать их тупиковый путь в отечественной экономике.

Но в конечном итоге, как уже было сказано, на карту этих карточных шулеров поставлена судьба нашего государства. Цена слишком велика. Мы живём сейчас под развалинами Советского Союза. Неужели мы позволим повторить это ещё раз для уже нового поколения наших соотечественников?

Заканчивая эту часть публикации, хотел бы сказать, что затронутая в ней тема весьма актуальна для жизни людей и государства. К сожалению, у нас в широком обиходе ещё бытует мнение, что частная собственность более эффективна и что она больше даёт в конечном итоге человеку. Однако приведённый выше анализ, основанный на опубликованных работах наших учёных, показал, что это далеко не так. Но тем не менее, споры продолжаются, да и учёные имеют на это свой взгляд, свою точку зрения. Наша задача состоит в том, чтобы тщательно изучить эти предложения и выбрать для реализации только те из них, которые могут дать обществу то, что люди должны получить в нашей быстротечной жизни.

И в заключение, подводя итог некоторых моих размышлений о роли государства в экономике, следует сказать, что проблема эффективности государственного управления существовала всегда. В конце 1970-х годов Европа

и США были в поиске модели государственного устройства, оптимальной в новых исторических условиях. В России этот поиск завершился крахом Советского государства и “шоковой терапией” 1990-х годов.

Начавшийся в 2008 году экономический кризис, названный “Великой рецессией”, обнажил одно из ключевых противоречий современного мира – между государственным суверенитетом и глобальными масштабами современной экономики. Сегодня около половины мирового промышленного производства и две трети внешней торговли приходятся на долю транснациональных корпораций. Это неизбежно всё более ограничивает способность современных суверенных государств влиять на экономику.

Реальность такова, что во многих странах экономика перестала быть исключительно национальной и вышла из-под контроля национальных государств. В воздухе настойчиво витает идея создания мирового правительства, которое, безусловно, несёт прямую угрозу суверенитету независимых государств.

Кто станет во главе этого глобального мирового правительства, гадать особо не приходится. США не только стремятся к этому, но и громогласно об этом заявляют. И это не только слова – Штаты становятся сегодня мировым дирижёром и в экономике, и в политике.

Не этим ли объясняются все мыслимые и немыслимые санкции, запреты, “чёрные списки” и т. д., и т. п., обрушивающиеся в последнее время на нашу страну, как из рога изобилия? И здесь также не нужно гадать о причинах подобного. Мы просто не вписываемся в мировую систему, создаваемую США. В этом-то и кроется основная причина. Не было бы Крыма и Донбасса – появились бы иные “весомые” причины, нарушающие жизнь американца, который же не знает, где находятся эти “нехорошие дяди”, угрожающие Америке!

К сожалению, история плохо учит нынешних политиков. На “жирный пирог” – Россию – в течение веков с вожделием устремляли не только взгляд, но и применяли по отношению к ней агрессивные действия многие претенденты. Но каждый раз они получали достойный отпор. Казалось бы, уже давно пора им уяснить себе менталитет нашего народа – в обычной обстановке он спокоен и расслаблен. Но стоит появиться внешней опасности – и это уже совершенно иные люди!

Вот это свойство нашего народа и передаётся по наследству из поколения в поколение. И любителям лёгкой наживы и мирового владычества следует всегда об этом помнить!

В представляемой читателю публикации мной неоднократно говорилось, что наша страна была в ожидании, что перед выборами главы государства будет организовано глубокое изучение создавшегося положения в социально-экономической жизни страны и будут рассмотрены разработанные варианты необходимых изменений в потерпевшей фиаско либерально-монетаристской модели, взятой Россией на вооружение по рекомендации Запада в 1990-е годы. Как известно, их было несколько.

Однако то, чего мы ожидали, не произошло. Следующее ожидание – после выборов Президента страны. Результат – такой же. Всё встало на свои места в мае 2018 года, когда было сформировано “новое-старое” правительство. Стало совершенно очевидно, что структура правительства и его персональный состав будут продолжать развивать существующую социально-экономическую модель.

Долгожданное ожидание перемен закончилось тем, что в июле 2018 года появился проект “Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года”. Этот документ разработан Министерством экономического развития страны. По распоряжению заместителя Председателя Правительства РФ документ для ознакомления и выработки к нему отношения направлен в Совет Федерации и руководителям регионов страны.

Итак, представленный проект по замыслу должен чётко сформулировать стратегию и тактику развития государства на этот период. Однако ознакомление с проектом не даёт чёткого ответа на вопрос, какими стратегическими методами будет осуществляться необходимое развитие нашего государства в этот период.

В данном проекте нет чёткой позиции Министерства экономического развития РФ, не обозначена роль данного министерства в развитии России до 2025 года. Нет ясности, каким образом будет осуществляться эта работа,

тельное не говорится о порядке и методах разработки годовых и на более длительное время программ развития страны: порядок их разработки, обсуждения и рассмотрения в Правительстве РФ и в Парламенте страны.

В этом отношении в проекте Стратегии белое пятно. Создаётся впечатление, что и в дальнейшем консервируется положение о том, что в стране разрабатывается и утверждается только государственный бюджет. Принятый ещё четыре года тому назад Закон о стратегическом планировании остаётся только на бумаге. Таким образом, создаётся предствление, что в период до 2025 года нам не следует ожидать каких-либо существенных изменений в стратегии и методах развития страны.

В проекте Стратегии нет чёткого понимания, что динамичное развитие страны будет зависеть от уровня социально-экономического развития регионов России. Если 200 лет тому назад М. В. Ломоносов говорил, что “могущество Российское прирастать Сибири будет”, то сейчас он бы сказал, что богатство и мощь государства Российского будет прирастать регионами нашего Отечества.

Россия является в этом отношении уникальным государством. В настоящее время, как известно, число субъектов Российской Федерации равно 85 единицам. Такая раздробленность не имеет аналогов ни в одной другой стране мира. К примеру, в Бразилии – 26 штатов и 1 федеральный столичный округ, в Китае – 2 провинции, 6 городов центрального подчинения и 13 уездов, в Индии – 29 штатов, 6 союзных территорий и один национальный столичный округ, в США – 51 штат.

При этом численность населения в этих странах соответственно: в Бразилии – 209 млн человек, в Китае – примерно 1 млрд 400 млн человек, в Индии – 1 млрд 350 млн человек, в США – 325 млн человек. У нас, как известно, – 146 млн человек.

Безусловно, большое количество субъектов Российской Федерации, наши необъятные просторы требуют особых методов их развития. Но в отношении регионов в проекте Стратегии всё ограничивается общими рассуждениями и пожеланиями. Абсолютно нет конкретных предложений по системе и методам развития регионов. Они в этом отношении остаются в одиночестве со своими проблемами, их решением и перспективами развития. В проекте Стратегии взят простой набор предложений из различных программ развития экономики страны. В целом в основе своей они вызывают удивление. Складывается впечатление, что роль Министерства экономического развития РФ только в этом и заключается, как в универсаме со множеством товаров для покупателей.

Закон о Стратегическом планировании 2014 года в этом документе только упоминается, но абсолютно не предлагается чёткой системы экономического развития регионов с участием Минэкономразвития и других федеральных министерств и ведомств.

Можно какую угодно давать оценку Министерству финансов РФ, но в его деятельности существует чёткий порядок, когда финансовые проблемы рассматриваются обязательно по каждому региону страны. А делает ли это Министерство экономического развития РФ? Нет!

При разработке развития регионов страны вносились предложения, которые, на мой взгляд, должны были заложить в проект Стратегии.

В первые годы создания Госплана страны нашим соотечественником В. В. Леонтьевым была разработана теория материальных отраслевых и межотраслевых балансов как основа развития страны, в дальнейшем её автор был удостоен Нобелевской премии. И эта теория неуклонно выполнялась Госпланом все годы Советской власти.

На мой взгляд, проект Стратегии должен иметь основные итоги таких балансов, которые служили бы ориентиром для принятия решений регионами о своём развитии, а именно: необходимый объём продукции страны в металлургии, машиностроении, топливе, сельском хозяйстве, лёгкой промышленности, транспорте, энергетике и т. д.

Далее. Мир вступил в шестой технологический уклад своего развития. Он в корне меняет многие наши взгляды на вопросы использования новейших технологий и материалов. Было бы целесообразно в проекте Стратегии иметь перечень реальных мировых и отечественных разработок, которые могли быть заложены в планы экономического развития регионов. Это и нанотехнологии

(пора бы уже опубликовать разработки этой компании), материалы на биологической основе, новейшие физические технологии и т. д. В проекте Стратегии об этом ничего не сказано, в то же время у нас сейчас имеется Министерство науки и высшего образования РФ, Российская Академия наук. Надо вовлечь регионы в создание необходимых мощностей новейших разработок мировой и отечественной науки. А где 25 млн высокотехнологических рабочих мест? Какова их роль в развитии страны до 2025 года?

Далее. Министерство экономического развития РФ, по моему твёрдому убеждению, обязан с каждым регионом обсудить предложения по его развитию, в том числе методы финансирования (госбюджет, софинансирование, региональное финансирование, частные инвестиции и т. д.).

Должна быть поставлена задача до 2025 года изменить создавшееся положение, когда из 85 субъектов Федерации только 12 являются самодостаточными, а 73 — дотационные. В этот период вряд ли можно добиться полной ликвидации дотационных регионов, но необходимо заложить основу для полного решения этого вопроса до 2030 года.

Несколько отдельных замечаний по проекту Стратегии. В первую очередь, в ней не говорится об изменении экономической модели страны. Уже всем ясно, что действующая либерально-монетаристская модель экономики, взятая на вооружение в 1990-х годах, себя не оправдала. Многие учёные и специалисты страны, в том числе и Временная комиссия Совета Федерации, вносили предложение взять на вооружение модель конвергенции рыночных принципов и необходимого государственного влияния. По этой системе развивается Китай уже 40 лет и практически приблизился к экономике США, а по развитию высокотехнологичного производства по итогам прошлого года он почти достиг уровня США. Подобным путём идёт Вьетнам и другие страны, а Индия имеет темпы развития на уровне китайских. Об этом направлении развития экономики ничего не говорится в проекте Стратегии. Экономическая модель сочетания рыночных принципов и государственного влияния, которая одобряется многими специалистами страны, остаётся невостребованной. На что мы рассчитываем? На повторение либеральной экономики, которая, как уже говорилось выше, полностью себя исчерпала?

Ещё одна проблема, которая вызывает тревогу. Речь идёт о создании определённого количества агломераций как движущей основы развития экономики регионов и страны в целом. Это предложение в своё время озвучил А. Кудрин вместе с институтом экономики города.

В памяти народной до сих пор осталось предложение Т. И. Заславской о “неперспективных” деревнях. Были уничтожены тысячи деревень. Нечто подобное может произойти сейчас, если народ из деревень, посёлков и малых городов ринется в крупные агломерации. Нам что, нужна опустошенная Россия? На наш вопрос В. И. Матвиенко сообщила членам Совета Федерации, что Президент страны В. В. Путин категорически возражает против этого предложения. В то же время этому вопросу в Стратегии уделяется большое внимание. Как это понимать?

В Стратегии подчёркивается, что, кроме агломераций, необходимо также создание объектов опережающего развития. И снова вместо комплексного развития всего региона делается упор на точечные элементы.

Подводя итог моего отношения к проекту Стратегии социально-экономического развития страны до 2025 года, можно сделать твёрдый вывод, что этот документ не может быть принят не только в целом, но и за основу. Он ничего не даст стране для её будущего.

Для выработки реальной Стратегии нужно подключение ведущих специалистов и учёных, изучение разработанных программ по развитию экономики страны. Нужно провести также рассмотрение всех вариантов нашей будущей жизни и губернаторами, и руководителями регионов.

Без глубокой проработки этой проблемы этот проект останется образцом некомпетентности людей, которые обязаны болеть о судьбе своей Родины.

Вот так закончились наши ожидания необходимых перемен в нашей стране. Но мы не теряем надежды, что рано или поздно перемены в стране произойдут. Мы не можем её оставлять в таком положении. Лишь бы не было поздно!